

**Наказания по обычному и государственному праву
в чувашской дореволюционной деревне**

Егоров Дмитрий Владимирович

аспирант, ассистент

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

E-mail: egorov2202@mail.ru

Правовые отношения в чувашской дореволюционной деревне регулировал обычай, изменявшийся в зависимости от места, времени, различных обстоятельств. Судебные прецеденты наиболее полно иллюстрировали положения обычного права. В повседневной жизни крестьян часто возникали спорные ситуации, конфликты, которые разрешались на основе народных правовых представлений. Вместе с тем, чуваша испытывали воздействие и официального государственного права, который представлялся, в первую очередь, волостным судом.

По реформе 1861 г. в прерогативе волостного суда были дела, касающиеся различных споров и тяжб стоимостью до 100 руб., а также были регламентированы размеры налагаемых наказаний: отдача в работы до 6 дней, штраф до 3 рублей, арест до 7 дней и телесные наказания до 25 ударов розгами. «Общим положением» волостному суду было предоставлено право выносить решение на основании обычного права. В пореформенное время большинство конфликтов, возникавших в крестьянской среде, разрешались внутри нее. Главная цель общинного суда состояла в том, чтобы мирно урегулировать все споры и конфликты. Когда народному суду не удавалось добиться удовлетворительного решения, дело передавалось на рассмотрение административных органов, то есть в волостной суд.

За совершенные преступления виновные подвергались телесному наказанию, по решению сельского схода или волостного суда, денежному штрафу, заключению в кутузку при волостном правлении, снятию с должности, высылке в Сибирь, лишению общественных прав и как крайняя мера – это изгнанию из деревни или отдаче в рекруты. Конфискованное у преступника имущество продавалось, шло на нужды сельского мира и, наконец, на общую попойку. Розгами чаще всего секли за воровство, тяжкие обиды, неповиновение детьми родителям и властям, домохозяев, растративших семейное имущество, неплательщиков податей, пьяниц, буянов, базарных воров, женщин «легкого поведения», а также некоторых должностных лиц.

Распространенным и эффективным способом наказания был самосуд – расправа членов общины с особо провинившимися без ведома официальных властей. Чаще всего самосудом наказывались лица, занимавшиеся кражей личного имущества.

Народ был недоволен существующим судопроизводством и системой наказаний. Нередко конокрады, святотатцы и убийцы отделялись легким наказанием. Исправительными мерами народ признавал строгое наказание: тюрьму, каторгу и телесное наказание. В начале XX в. официальным законодательством самосуды и телесные наказания были отменены.

В пореформенный период довольно распространенным видом наказания становится денежный штраф в пользу мирской казны или пострадавшего. Денежные штрафы приносили огромный ущерб крестьянскому хозяйству, поэтому крестьяне предпочитали тюрьму.

Преступления, совершаемые не по злой воле, а «в раздраженном состоянии или в пьяном виде», народ признавал заслуживающими снисхождения. Тем более что во многих преступлениях человек, по представлениям чувашей, являлся лишь «орудием нечистой силы». Наиболее тяжкими преступлениями в народе считались: преступления против личной собственности (воровство личного имущества), убийства (например, сыном собственного отца или близких родственников), поджог, лишение имущества детей, святотатство, блудни. Бедность потерпевшего еще более усугубляла преступление. Наказания смягчались в случае непреднамеренных случайных действий и проступков.

За преступления, совершаемые малолетними детьми (кража гороха с полей, яблук, огурцов из частных огородов), как правило, подвергались наказанию их родители. Их вызывали на сход. Если они отказывались явиться, то их влекли туда насильно. Здесь с них брали устное обязательство впредь строго следить за сыном. Затем, для получения прощения в совершенном сыном преступлении, они должны были угостить народ вином. Воровство садовых фруктов и огородных овощей совершалось преимущественно малолетними детьми, поэтому народ относился к этому снисходительно. Иногда детей секли розгами, чаще – крапивой.

В целом, дела пытались решить миром, не доводя до волостного суда. В случае согласия с решением сельского схода, виновный должен был возместить материальный ущерб потерпевшему и угостить всех присутствовавших вином. Если помирить спорящих не удавалось, то потерпевшему выдавали удостоверение с печатью для дальнейшего рассмотрения в волостном правлении.

Нередко за особо тяжкие преступления ссылали в Сибирь. Так, по данным 1860 г., из Казанской губернии было сослано в Сибирь по приговорам сельских обществ государственных крестьян – 46 человек, из удельных – 5; 13 человек по решению крестьянских сходов отдали в рекруты «за дурное поведение». При вынесении приговоров о наказании учитывали и родственные связи. Строже осуждали тех, чьи родственники нарушали традиционные нормы поведения. Подобное отношение отразилось в чувашских пословицах: Ашше-амаше епле, ачи-пачи те сапла («Каковы родители, таковы бывают и дети»); Шешке выранне шешке шатать («На месте орешника орешник и вырастет»). Человек, сидевший в тюрьме по своей вине, терял уважение, лишался голоса в общественных делах, находился среди односельчан в большом презрении и, наоборот, народ выражал сожаление невинному, попавшему в тюрьму, а также всячески пытался поднять его авторитет в глазах власти.

Таким образом, за разные проступки и преступления чувашских крестьян наказывали как по государственному, так и по обычному праву. Некоторые народные правовые представления были узаконены, что свидетельствует о долгом и прочном функционировании обычного права в крестьянской среде.

Литература и источники

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР).
2. Денисова Н.П. Административно-фискальные и правовые функции общины у чувашей (XIX – начало XX в.) // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1984. С. 46-71.
3. Магницкий В.К. Этнографический очерк преступлений и проступков во 2-ом (следственном) участке Чебоксарского уезда // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Т. 517. № 5666. Л. 327-428.
4. Научный архив Республики Татарстан (НА РТ).
5. НА ЧГИГН.
6. Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: 3-я Тип. Губ. Совета, 1919. 104 с.